

Вести от выживших односельчан пока не приносили новых бед. Пострадавших одного за другим распределяли по палатам. Двоих парней из соседних деревень, чьи травмы оказались слишком тяжелыми, после первой неотложной помощи пришлось срочно везти в провинциальную больницу. Еще одного спасти не удалось — он скончался, несмотря на все усилия врачей. Сдавленный, полный невыносимого отчаяния плач его родных разрывал душу. Этот безнадежный вой, казалось, доносился из какой-то глухой бездны, и Гоуданю чудилось, будто он слышит стоны из самого ада.

Подождав еще немного, Гоудань попросил Цичжи остаться на дежурстве, а сам вместе с Ван Сюанем отправился на улицу за ужином. Еда обошлась недорого: они набрали целую корзину простых и сытных паровых булочек-маньтоу и пирожков-баоцзы, которые было удобно нести, а в придачу взяли острую горчицу-цзацай и соленые яйца.

Многие из тех, кто привез раненых, не видели за весь день и маковой росинки. Потолкавшись в коридорах и поняв, что больше ничем помочь не могут, сопровождающие еще после полудня начали расходиться. Те, кто отделался легкими царапинами и ушибами, обработали раны антисептиком, забрали противовоспалительные лекарства и тоже поспешили домой. Им нужно было как можно скорее успокоить родных — ведь они сами были там, на карьере, и если бы они заставили семьи томиться в неведении, те сошли бы с ума от тревоги.

В больнице остались лишь самые близкие: родственники и верные друзья тяжелораненых. Впрочем, со временем Гоудань уговорил уйти и часть из них. Торчать здесь всем скопом не имело смысла — нависла угроза огромных больничных счетов, а платить было нечем. Кому-то следовало вернуться в деревню, чтобы занять, перехватить у соседей хоть какие-то гроши. Ждать помощи от руководства каменного карьера сейчас не приходилось.

В конце концов людей осталось совсем немного — как раз столько, чтобы подчистую опустошить принесенную корзину с едой. Устроить их на ночь оказалось делом нехитрым. В такую удушающую жару никто не просил ни циновок, ни одеял — утомленные горем и дорогой, люди засыпали прямо на бетонном полу больничных коридоров.

Гоудань, Цичжи и Ван Сюань учились в уездной средней школе, а потому должны были вернуться на ночлег в общежитие. Убедившись, что односельчане устроены, они оставили им припасы, раздобыли у медсестер несколько термосов с кипятком, купили для них просторные кружки и только тогда направились к выходу.

— Что будем делать завтра? — свинцово-устало спросил Цичжи, когда они вышли на прохладный ночной воздух.

— Утром проведем всех в больнице, а потом сразу двинем в деревню, — ответил Гоудань. — Ханьва... мы ведь с самого детства вместе. Надо проводить его как полагается.

По суровым деревенским обычаям, молодых людей, погибших насильственной или случайной смертью, не хоронили на родовом кладбище. Для них отводили неприметный клочок земли где-нибудь поодаль от могил предков.

Да и сверстникам вроде Гоуданя и Цичжи по правилам не позволялось присутствовать на погребении — считалось, что это приносит несчастье. Но Ханьва был их близким другом. Ради него стоило пренебречь запретами. В конце концов, они выросли на одной улице.

— Дочке Ханьвы всего полтора года, — негромко заговорил Цичжи. — Такая забавная девчушка, пухленькая. И жена у него молодая, красавица... Слышал я, чтобы сыграть эту свадьбу, его семья выгребла все подчистую, да еще и в долги влезла по уши.

В детстве семья Ханьвы ни в чем не нуждалась. Мальчишка всегда ходил с карманами, полными лакомств, рос рослым, упитанным и считался самым богатым ребенком в округе.

Пока Гоудань еще не пошел в школу, Ханьва верховодил местной детворой, слывя настоящим заводилой. Но в какой-то момент дела в его доме покатались под откос. То ли это началось с переделом земли, то ли после безвременной кончины его отца. Семья быстро обеднела, а расходы на женитьбу и вовсе вогнали их в нищету. Будучи единственным сыном, парень вынужден был браться за любую тяжелую поденщину, чтобы хоть как-то прокормить близких.

Трое друзей шагали по залитой лунным светом дороге к уездной средней школе. Ворота общежития давно заперли на замок, так что им пришлось искать глухой угол, чтобы перемахнуть через стену.

В комнате еще никто не спал. Изнывая от духоты, ребята слонялись полуголыми, кто-то читал при свете тусклой лампы, кто-то шутливо переругивался. Увидев вошедших, соседи по комнате удивленно зашумели:

— А мы думали, вы домой уехали!

— Нет, отпросились только на день, — ответил Гоудань. — В больницу ходили, навещали земляков.

— Всё так плохо?

— Да, у некоторых совсем худо... В умывальной сейчас свободно?

— Вроде никого. Большинство ополоснулись еще перед вечерней самоподготовкой, сейчас туда разве что самые распаренные бегают, кому совсем невмоготу.

Гоудань и Ван Сюань достали чистую смену белья и пошли к водопроводным кранам. В душевой действительно оказалось пусто — лишь пара ребят лениво плескались под холодной струей в одних трусах.

Они быстро смыли с себя дневную грязь и дорожную пыль, намылив головы прямо под краном. Многие в такую жару мылом брезговали — просто обливались ледяной водой, обтирались

серым полотенцем, натягивали сухие трусы и возвращались в душные постели.

Ван Сюань заодно застирал их пыльную одежду:

— Завтра едем домой. Повесим сушиться здесь, а к обеду попросим ребят снять.

При таком пекле вещи высыхали мгновенно. К полудню соседи снимут сухую одежду с веревок и просто бросят на их кровати.

Даже когда погасили свет, в спальне долго не утихал приглушенный гул голосов, перемежаемый шорохом бамбуковых вееров.

— Духота несусветная! Может, не будем закрывать окно? Чай, не красны девицы тут спят, чего прятаться?

— Давайте и дверь настежь распахнем! Ворота во двор все равно на замке, ворах тут поживиться нечем. Все свои, чего стесняться-то, ха-ха!

— Да заткнетесь вы наконец? Будете помалкивать — быстрее уснете, и жарко так не будет. Вечно ты больше всех треплешься, а утром тебя из койки не добудишься.

— Тебе-то что? Спи себе спокойно, я тебя не трогаю.

— Как тут уснешь, когда ты под ухом бубнишь?

Еще минуту назад эти парни готовы были делиться последним, а теперь беззлобно препирались по пустякам.

«В этом и есть вся молодость» — подумал Гоудань, прислушиваясь к царящему вокруг шуму.

Он и сам был частью этой беззаботной толпы. Мог учиться, строить планы на будущее, верить, что впереди ждет только хорошее. У каждого из его одноклассников сейчас был прекрасный, надежный старт. А вот у их деревенских сверстников, рано бросивших школу, юность пролетела как одно мгновение. Неважно, почему они ушли — из-за плохих оценок или потому, что у родителей не нашлось денег на учебу. Их детство закончилось слишком быстро.

Они повзрослели, не успев толком понять жизни, взвалив на плечи непосильное бремя забот. И теперь кто-то из них уже лежит в сырой земле, а кто-то остался калекой. Как им теперь смотреть в глаза будущему, сулящему лишь беспросветный мрак?

На рассвете друзья быстро поднялись, наскоро позавтракали и собрали скудные пожитки.

Гоудань понимал, что в этой поездке будет не до учебы, поэтому книг брать не стал — только смену белья да гостинцы, приготовленные для Ли Сы. Прихватив с собой плотный завтрак для раненых, они зашагали к больнице.

Даню уже пришел в себя. Он лежал неподвижно, уставившись в потолок, и в палате не было ни одной живой души, кроме него. Вчера врачи пытались связаться с его отцом, но тот так и не явился — похоже, решил окончательно вычеркнуть калеку-сына из своей жизни. А мать Даню, несчастная женщина, терпевшая побои и нужду всю жизнь, прожила в достатке под крылом заботливого сына едва ли два года и покинула этот мир. После ее смерти заботиться о парне стало некому.

Гоудань попытался заговорить с ним, но Даню лишь безучастно косился в его сторону. До него доносилось лишь беззвучное шевеление губ друга — он ничего не слышал. Гоудань сообразил не сразу: увидев толстый слой марли на голове Даню, он с силой хлопнул себя по лбу и позвал Цичжи на помощь, а Ван Сюань отправился дальше раздавать еду.

Они бережно приподняли Даню. Врач подтвердил, что кормить его можно. Травма головы оказалась тяжелой, но хуже всего пришлось ушам — взрывная волна повредила барабанные перепонки, и правое ухо оглохло напрочь. Левое уцелело, но слух на нем тоже сильно упал. Даню мог держаться на ногах, поэтому друзья помогли ему дойти до уборной, умыться, а после накормили горячей жидкой кашей. Когда пришла медсестра, чтобы поставить капельницу, они тихонько выскользнули из палаты.

В коридоре доктор предупредил их, что нужно срочно искать родных парня: пришло время платить по счетам. Вчера раненых везли нескончаемым потоком, и врачи спасали жизни, не глядя на кошелек, но долг за лечение продолжал расти, и эту проблему требовалось решать немедленно.

Ребята пообещали поговорить с деревенскими. Врач, должно быть, и сам всё понял: пока у коек других больных дежурили заплаканные родственники, этот парень лежал в полном одиночестве. Доктор лишь сокрушенно вздохнул и поспешил по своим делам.

В соседней палате Дафу караулили мать и младшая сестра. Ему повезло больше других: отделался рваными ранами и сильной потерей крови, но руки-ноги остались целы. Тело было слабым, но врачи обещали, что он поправится без тяжелых последствий. Настоящее чудо в такой мясорубке.

И всё же смотреть на осунувшееся, бледное лицо друга Гоуданю было невыносимо больно. Тот давний выбор — бросить школу, чтобы дать шанс непутевым младшим братьям и сестрам — оказался роковой ошибкой. Один неверный шаг сломал всю его жизнь.

Младший брат, Дагуй, как и следовало ожидать, звезд с неба не хватал. Едва окончив среднюю школу, он провалил экзамены в техникум и вернулся гнуть спину на пашне. Сестренка сейчас училась в средних классах, но перебивалась с тройки на четверку, не выказывая никакого рвения. Семья пожертвовала одаренным Дафу ради посредственностей, и теперь надежды на

то, что кто-то из детей выбьется в люди через учебу, рассыпались прахом.

Гоудань отослал Цичжи проверить остальных раненых, а сам незаметно достал из кармана шестьсот юаней и вложил в ладонь матери Дафу. Женщина обомлела, слезы брызнули из ее глаз:

— Сынок... Я ведь знаю, как тебе самому непросто, учеба сколько денег сосет... Но у нас дома — хоть шаром покати, ни гроша за душой. Отец ушел в деревню, пытается занять у кого только можно... Знаю, грех мне у ребенка деньги брать, но... — Она вцепилась в купюры, как утопающий в соломинку, коря себя за бесстыдство, но из рук богатство не выпуская.

Сын выжил, его суставы целы, но на ноги его ставить придется долго и дорого. Ей оставалось только заглушить стыд и принять эту милостыню ради спасения собственного ребенка.

Гоудань лишь мягко сжал ее плечо:

— Тетушка, мы ведь с Дафу с пеленок вместе. Деньги — дело наживное, сейчас главное его на ноги поставить. Обо всем остальном потом подумаем.

Дафу лежал неподвижно, в его воспаленных глазах блестели слезы. Он понимал, что легко отделался. Главное — выкарабкаться, а там он расшибется в лепешку, отработает каждый юань, вернет долги. Жизнь продолжается.

— Поправляйся, друг, — тихо сказал Гоудань и вышел.

Дачжуан всё еще не приходил в себя. Он еще не знал, что проснулся инвалидом. Его ногу раздробило так страшно, что у хирургов не оставалось иного выбора, кроме ампутации.

«Как ему теперь жить? — Гоудань содрогался, представляя, как этот сильный, гордый парень примет известие о своей увечности. — В нашей деревне калека — это приговор»

Без ноги он не сможет пахать, не удержит тяжелый плуг, не донесет мешок зерна. Отныне его уделом станут костыли и жалостливые взгляды соседей, а ведь он только начинал жить.

Ван Сюань подошел к Гоуданю и молча кивнул. Они еще вчера договорились отдать семье Дачжуана тысячу юаней — огромные деньги по нынешним временам. Свободных наличных у них почти не осталось. Зная, что скоро начнется учеба в институте и времени на заработки не будет, они пустили все сбережения в оборот, закупив товар, а быстро вернуть его в деньги было невозможно.

К тому же совсем недавно они приобрели три торговые лавки в Специальной экономической зоне — коммерческая недвижимость только-только появилась в свободной продаже. Сяо Цянь прислал им срочную телеграмму, и они, не раздумывая, поручили ему забронировать

помещения, сразу же переведя всю свободную наличность на оплату сделки. Место было глуховатым, на самой окраине новой застройки, так что перепродать эти площади сейчас не вышло бы при всем желании.

Карманы их были пусты.

Они обошли остальные палаты, навещая других пострадавших. Среди них были и бывшие одноклассники по начальной школе, и просто знакомые ребята из соседних деревень. К счастью, большинство из них отделались легкими ушибами и испугом — пара дней под наблюдением врачей, и их выпишут домой.

Закончив обход, трое друзей с тяжелым сердцем побрели к автобусной остановке, чтобы держать путь в родную деревню Сикань.

<http://bllate.org/book/19654/1996779>